

Kenneth J. Gergen,
PhD, Mustin Professor of Psychology
Swarthmore College, Department
of Psychology, USA

Кеннет Джей Герген (Джерджен),
Доктор философии, профессор психологии,
Шварцмор колледж,
Пенсильвания, США

SOCIAL CONSTRUCTION AND THE TRANSFORMATION OF THE SOCIAL SCIENCES

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК¹

Перевод с английского Ф.Р.Филатова

Универсальные концепции истины, объективности, рациональности, прогресса и моральных принципов сегодня повсеместно подвергаются сомнению. Ведь так часто эти концепты оказывались препятствиями для расширяющегося потока продуктивных человеческих взаимоотношений. Нередко они использовались для того, чтобы ограничить естественное самовыражение и отделить тех, кому позволено участвовать в созидании будущих форм нашего коллективного сосуществования, от тех, чей удел – молчать. Более того, такие концепции способствовали формированию целого спектра самосовершенствующихся иерархий и систем привилегий. Так обстоят дела в мире социальных наук, в том числе и в психологии, как, впрочем, и во всех иных сферах жизни.

Именно из пепла сомнений возникли новые формы диалога, новые голоса надежды и предвестия, новое виденье перспектив человеческого существования. Сегодня такая дискуссия объединяет континенты и культуры и сопровождается значительными профессиональными достижениями – в терапии, образовании, социальной работе, консультировании, развитии организаций, улаживании конфликтов, развитии сообществ и во многом другом. Существует множество названий для такой революции в мышлении и социальной практике. Термины «постмодернизм», «постфундаментализм», «постПросвещение», «постэмпирицизм» и «постструктурализм» – наиболее часто встречающиеся среди них. Одни описывают эту тенденцию в терминах «лингвистического поворота», другие говорят о «социокультурном повороте» в нашем понимании природы знания и самих себя. Кроме того, многие ключевые идеи вращаются по орбите, весьма удачно определяемой как «социальное конструирование». В этом смысле, социальный конструкционизм не является цельной и унифицированной теорией. Правильнее рассматривать его как диалог, разворачивающийся между участниками, значительно различающимися между собой по используемой логике, ценностям и воззрениям. Поскольку в наличии существенное расхождение во взглядах, нет ни одного положения, которого бы твердо придерживались все участники диалога. И действительно, установить окончательную истину, выстроить фундаментальную логику, свод ценностей или узаконить свод обычаев было бы прямой противоположностью тому естественному развертыванию значений и смыслов, которое отстаивается этим движением.

Цель настоящей статьи, в первую очередь, кратко описать общие положения, разделяемые большинством ученых, вовлеченных в конструкционистские исследования. Более детальные рассуждения могут быть найдены в других моих работах². Затем я представлю ряд выводов, относящихся к этой преобразованной исследовательской области. С моей точки зрения, социальная наука, которую мы унаследовали от прошлого, более не отвечает условиям той

¹ Статья выдающегося американского психолога, лидера социального конструкционизма Кеннета Джей Гергена (Джерджена) написана специально для 2-ого выпуска журнала «Симпозиум» (2005); любое ее переиздание возможно только с согласия главного редактора (Филатов Ф.Р.).

² Смотри, например, Gergen (1994, 1999, 2001)

глобальной жизни, с которой мы сталкиваемся сегодня. Если мы намерены внести собственный вклад в современное глобальное сообщество, необходимы существенные преобразования.

Социальное конструирование «Реального» и «Хорошего» (Реальности и Блага)

Историю социального конструкционизма можно излагать по-разному. Кто-то попытается проследить ее вплоть до работ Ницше, Гете или Вико. Другие сфокусируются на более близких к нашему времени исследованиях в области социологии знания или истории наук. В своей книге *«The Saturated Self»*, я описал, как происходит постепенное осознание конструкции на основе опыта различных (множественных) реальностей и типов морали, ставших очевидными для нас через современную технологию. Каждое из этих воззрений конструирует конструкционизм различными способами, и каждый из данных способов оказывается полезным в своем, отличном от других, контексте. Я, однако, не стану двигаться ни в одном из указанных направлений. Скорее, я коротко опишу некоторые, наиболее распространенные сегодня, аргументы и допущения. Я выбрал четыре особые темы, поскольку с ними связаны одновременно наиболее сложные неразрешенные проблемы и предельно свободные, открытые дискуссии.

Социальные истоки знания

Пожалуй, самая плодотворная идея, проистекающая из конструкционистского диалога, – это идея, согласно которой то, что мы называем знанием мира и самих себя, обнаруживает свои корни в человеческих взаимоотношениях. То, что мы принимаем как истину в противоположность лжи, объективное в противоположность субъективному, научное в противоположность мифологическому, рациональное – иррациональному, моральное – аморальному, привносится в человеческое бытие исторически действующими группами людей и определяется их культурой. Эта точка зрения драматически контрастирует с двумя наиболее важными интеллектуальными и культурными традициями Запада. С одной стороны, это традиция индивидуального субъекта познания, рационального, самоуправляемого, морально центрированного и сведущего агента действия. Конструкционистская диалогическая традиция бросает вызов такому индивидуализму и оспаривает индивидуалистическую модель познания, предлагая понимание «отношения» как центральной категории человеческого бытия. Не в индивидуальном разуме пребывают знание, причинность, эмоции и мораль, а в отношениях. Мы коротко исследуем различные следствия такого концептуального сдвига.

С другой стороны, социальное понимание природы и происхождения знания представляет собой главный вызов представлениям об Истине, о возможности установления учеными или любой другой группой некой объективной «правды» о происходящем или хотя бы приближения к ней. В самом деле, как полагают конструкционисты, ни одно словесное построение не является с необходимостью более объективным или корректным в описании реальности, по сравнению с любым другим.

Конечно же, научная точность может быть достигнута внутри данного сообщества или традиции, в соответствии с его правилами и обычаями. Физики и химики генерируют полезные истины в рамках собственных коллективных традиций познания, также как психологи, социологи, писатели и священники делают это по законам своей коммуникативной практики. Однако из этих, часто конфликтующих традиций, мы не можем выделить трансцендентную истину, «воистину истинное». Любая попытка определить доминирующее воззрение была бы, сама по себе, отходом от заданной системы договоренностей.

Не трудно представить, сколь сильную и временами гневную реакцию вызвали эти базовые постулаты, в частности, в научных кругах. Скажем, вы посвятили жизнь поискам того, во что верите как в объективное знание, и вы чураетесь недоказуемых мифов, убеждений, народных верований, которыми обычные люди руководствуются в своей жизни. При данных обстоятельствах нелегко признать, что и наука сама по себе есть разновидность социального конструирования и, если разобраться по существу, не превосходит другие традиции. К тому же, и это мое мнение, такая болезненность проистекает из неверного прочтения

конструкционистского послания. Западная медицинская наука, например, действительно предлагает полезные истины; большинство из нас вряд ли пожелает отказаться от них. И, тем не менее, эти истины базируются на огромной совокупности особых культурных и исторических конструкций, в частности, определяющих то, что представляют собой «снижение жизненного тонуса», «здоровье» и «болезнь», «жизнь» и «смерть», границы тела, природа боли и так далее. Если эти предположения трактуются как универсально истинные для всех культур и времен, альтернативные концепции отвергаются и уничтожаются. Так понимание смерти всего лишь как прекращения выполнения биологических функций было бы неправомерно упрощенным взглядом на человеческое существование. Суть в том, что от медицинской науки следует не отказываться, а понимать ее как культурную традицию, и только как одну из многих других.

Таким образом, социальный конструкционизм, в первую очередь, способствует значительному освобождению (раскрепощению) в сфере познания. Он устраняет риторическое влияние любого индивида или группы, которые провозглашают некую истину, мудрость или этику универсальной и необходимой для всех. И, напротив, для большинства конструкционистов, все голоса оправданы и могут способствовать диалогу, от которого зависит наше будущее. В то же время, понимание всех знаний, претендующих на истинность и доминирование, как социально сконструированных, не дает основания объявлять их ложными и никчемными. И вновь следует признать, что каждая традиция, сколь бы она ни была ограниченной, может открыть перед нами новые альтернативы человеческого сосуществования (со-бытия). Следуя этим путем, конструкционизм вводит постулат безграничной любознательности, согласно которому каждая традиция способна предложить нам сокровища, и вновь возникающие амальгамы всегда открыты для дальнейшего развития. Если мы признаем, что сегодняшние реалии зависят от сегодняшних договоренностей (соглашений), то открываются огромные возможности. Мы не обречены повторять прошлое; вместе с инновациями в сотворчестве рождается наша будущность.

Центрированность языка

Представители многих школ сходятся в убеждении, что Людвиг Витгенштейн был наиболее значительным и выдающимся философом XX столетия. После прочтения его последних работ, и, в первую очередь, «Философских исследований» (Philosophical Investigations), никто уже не сможет утверждать, что цели философии остались прежними / неизменными. Почему? В огромной мере потому, что работы Витгенштейна оспаривают способность философии дать истинное понимание познания, рациональности, этики, своего Я и всех других тем, имеющих к этому хотя бы отдаленное отношение. Как предполагает Витгенштейн, наши описания и объяснения мира формируются внутри определенного языка или, пользуясь витгенштейновской терминологией, «языковых игр». По существу, игры языка всегда проводятся законосообразно, в строгом соответствии с установленными правилами; дабы они имели смысл для всех, необходимо, чтобы каждый играл по правилам. Грамматические правила являют наиболее очевидный пример, но существует также множество правил, касающихся самого содержания (предмета высказывания). Например, для меня неприемлемо высказывание: «Моя любовь – четырехсторонняя». Само грамматическое построение корректно, и нет способа, которым оно может быть опровергнуто фактическими данными. Скорее привычные способы говорить о любви в XXI столетии не предполагают использования прилагательного «четырёхсторонний». Распространяя такой подход на указанную тему, мы можем рассматривать ключевые вопросы, которыми задаются философы, как языковые игры. Например, давнишний вопрос о том, действительно ли разум имеет доступ к внешнему (объективному) миру – так называемая «проблема эпистемологии» – остается проблемой только в рамках заданной языковой игры. Чтобы играть в эту игру, мы должны согласиться с тем, что, с одной стороны, есть «ментальный мир», а, с другой стороны, – «материальный мир» (один «внутри», другой – «снаружи»), и, что первый, видимо, может отражать последний. Если вы не согласны играть по этим правилам, то «проблема индивидуального познания» отсутствует для вас.

И еще, взгляд на язык просто как на игру (саму по себе), ограничен. Витгенштейн предполагал, что использование языка включено в более широкие «формы жизни», как он их называл. Рассмотрим одну из форм жизни, которую мы именуем «футбольный матч». Конечно, существуют привычные / традиционные способы поговорить о футболе – о командах, голах, штрафных ударах и так далее. Но эти привычные способы говорить переплетены / связаны с особыми формами действия и материального окружения. Некто не может просто возопить: «го-о-ол!», – на углу оживленной улицы, не вызвав при этом недоумения. Существуют специфические условия, в которых такой крик имеет смысл, и это зависит от особой совокупности объектов (таких как футбольное поле и мяч) и людей (таких как игроки и судьи).

Такие идеи очень сходны с пониманием знания, как социального по происхождению. Когда люди согласовывают свои действия, главный результат этого – система сигналов или слов. Слова служат средством именованного мира для людей, вовлеченных в действие. Забит – «гол», у вас – «депрессия», это – «млекопитающее» и пр. Кроме того, нетрудно понять, что слова исключительно важны для поддержания и упрочения взаимоотношений. Они не только представляют собой соглашения касательно того, что [действительно] существует для взаимодействующих субъектов, но по существу являются тем «сцеплением», связующим звеном, которое и удерживает их, эти самые формы жизни, или традиции, вместе. Какой смысл в судебном разбирательстве без языка вины и невиновности; что случилось бы с психологией, как профессией, без языка мышления (разума); а что бы стало с религией, если бы мы отказались от языка духа?

В данном контексте налицо огромная мощь, заключенная в нашем использовании трансформирующегося языка. Изменяя способы языкового выражения, разрабатывая новые формы говорения или расширяя контекст высказываний, мы сеем семена перемен в человеческом мире. В то же время мы можем оценить глубоко укорененные причины сопротивления этим переменам.

Политика знания

У социального конструкционизма много общего с прагматическим взглядом на притязания знания. Это значит, что традиционные выводы относительно истины и объективности уступают место ориентации (нацеленности) на практический результат. И не важно, истинно ли некоторое утверждение с точки зрения божественного предначертания («в глазах Господа»), скорее мы спрашиваем о следствиях для нашей жизни, которые наступят в случае серьезного восприятия какого-либо притязания на истину. Может быть множество истин, в зависимости от традиций конкретного сообщества, однако особенность конструкциониста в том, что он спрашивает, что случится с нами – благо или вред, – если мы предпочтем одно воззрение другому, прямо противоположному? Не существует многозначительных утверждений без последствий. В этом смысле растущее понимание общественной конструкции реальности и добра дает нам нечто гораздо большее, чем простое развенчание нашей традиционной веры в истину, объективность и познание вне истории и культуры. Все притязания на истину допустимы лишь при условии постановки вопроса об их влиянии – во благо или во вред – на тех, кто становится их поборником или каким-нибудь образом подвергается их воздействию.

Такой вывод вызвал громкий отклик в академическом сообществе и за его пределами. Особенно это касается ученых и практиков, соприкоснувшихся с социальной несправедливостью, угнетением и изоляцией групповых меньшинств от общества. Если сообщества создают реальности (факты и достаточные основания), созвучные их собственным традициям, и эти реалии утверждаются как истина и благо для всех, то альтернативные традиции могут быть уничтожены. Независимо от того, говорим ли мы о научных фактах, канонах логики, основах права или духовных откровениях, как только мы определили, чем является этот мир, мы, тем самым, уже неявно предпочли некоторые способы жизнедеятельности (формы жизни) всем прочим. Так, например, ученый может использовать самые изощренные методы тестирования интеллекта и накопить огромные массивы данных,

которые показывают расовые различия в интеллекте. Тем не менее, полагать, что существует нечто, называемое «человеческий интеллект», что люди различаются степенью обладания этой способностью, и что игры с перечнем вопросов и ответов на них обнаруживают эту способность, значит, сводить все только к заданной традиции или парадигме. Такие концепции и исследования не востребованы «миром, как он есть». Важнее то, что просто быть включенным в парадигму и двигаться внутри традиции, – это глубоко оскорбительно для людей, квалифицированных как нижестоящие, согласно упомянутым стандартам. Или, говоря иначе, давнее различие фактов и ценностей – объективных рефлексий относительно мира, и субъективных желаний или чувств относительно «должного» – не может далее поддерживаться.

Как видим, особая чувствительность в отношении политики реальности и добра позволяет занять основательную критическую позицию. Мы вправе спросить у тех, кто претендует на знание, мудрость, просветление и тому подобное: «что дальше?», «кому это выгодно?» или «кому заткнули рот?». К сожалению, однако, многие из тех, кто занял критическую позицию, просто там и остаются. Овод никогда не станет бабочкой. Понимание политики познания приводит к усилению нашей способности выявлять тонкие различия. И главное уже не только в том, «что мы теряем?» внутри любой традиции познания, которая важна для нас, но также в том, «что мы приобретаем?». Все конструкции будут накладывать ограничения на нашу жизнь, но без конструирования, все к чему мы стремимся, теряет свою ценность. По моему мнению, конструкционизм приглашает всех нас к диалогу, касающемуся тех открытий и упущений, которые мы унаследовали от прошлого. Более того, – акцентируя затронутую ранее тему, – мы приглашены именно посредством такого диалога сформулировать новые принципы рациональности. Отталкиваясь от этих новых конструкций, мы можем приблизиться к более богатым и содержательным формам жизни.

От Самости – к Отношению

Как уже обсуждалось ранее, конструкционистский диалог смещает наше внимание с индивидуального субъекта действия (актора) к скоординированным взаимодействиям и взаимоотношениям индивидов. Драма, которая здесь разыгрывается, весьма существенна. Представьте, вас попросили описать свою семью. Вероятно, вы начнете говорить о различных членах семьи. Вы можете описать каждого члена семьи в отдельности: отца, мать, возможно, брата или сестру. Вы можете также описать свои чувства по отношению к каждому из них, и то влияние, которое они оказывают на вашу жизнь. Общепринятый способ описания отдельной семьи здесь очевиден: сколь быстро, и не делая из этого никакой проблемы, мы допускаем, что группа состоит из независимых существ, каждый со своими уникальными характеристиками, личными чувствами, с индивидуальным восприятием других. Во многом аналогичный способ описания был бы использован для классной комнаты, сообщества или жизни любой организации. Невысказанное и непроверенное допущение состоит в данном случае в том, что индивиды образуют изначальные атомы социальной жизни. Каждый из нас действует, подчиняясь внутреннему диктату: когнитивной способности, эмоциям, мотивации и так далее. Каждый из нас отвечает за свои собственные действия.

Вместе с тем, как предполагают конструкционисты, все, что мы мыслим реальным, истинным, добрым, ценным и желанным, является продуктом социального обмена, координации и взаимодействия. То же самое можно сказать о нашей способности различать «меня» и «тебя». Словарь индивидуалистического мышления не востребован «миром, как он есть», также, впрочем, как и вера в фундаментальную независимость. Концепция человеческого существа может коренным образом различаться в различных культурах и в разные эпохи, и даже в Западной культуре статус индивидуальной Самости, завоевавший неоспоримое превосходство, есть продукт совсем недавней истории. Вплоть до 16 века среднестатистический индивид идентифицировался в понятиях группы, к которой он (или она) принадлежал: семье, клану или профессии. Утверждение, что концепция индивидуальных Я есть конструкция, само по себе не является критицизмом. Действительно, в большинстве своем наши культурные ценности: демократия, всеобщее образование, законность – обязаны всем, наиболее

рациональным, что есть в них, индивидуалистической традиции. Тем не менее, признание того, что вера в индивидуализм зародилась в игре исторического случая, способствует рефлексии. Следует ли нам сохранять здесь статус кво?

Как утверждают многие, при конструировании мира индивидуального Я обнаруживается существенная и неотъемлемая темная сторона. Когда мы устанавливаем фундаментальные различия между самими собой и другими, мы создаем некое противопоставление миров: я – здесь, а вы – там. Мы приходим к пониманию самих себя, как изначально одиноких и отчужденных. Мы приходим к высокой оценке такой автономии, становясь тем, кто «сделал себя сам», кто «идет своим путем». Быть зависимым есть проявление слабости и недееспособности. Однако мир, понятый как нечто, конструируемое обособленными индивидами, также порождает недоверие и подозрение. В конечном счете, никто никогда не имеет доступа к интимным мыслям другого. Если же вы чувствуете себя отчужденным и недоверчивым, что может быть адекватнее и правильнее, чем «заботиться о собственной персоне»? Личная выгода становится абсолютной добродетелью – несомненная для экономиста, как неизбежный рациональный расчет – до тех пор, пока не появится моралист и не станет умолять нас «любить других как самих себя». Лояльность, привязанность, общность – все ставится под вопрос, поскольку все это может потенциально противоречить «самореализации». Таковы взгляды, которые нашли сегодня широкое распространение в культуре³. Мы можем и не пожелать отказаться от традиции индивидуального Я, но конструкционизм приглашает нас исследовать ее и создать ей альтернативы. Позже, на этих страницах, мы вернемся к данной проблеме.

И, наконец, социальный конструкционизм есть, в первую очередь, метатеоретическая позиция, способ описания того, как достигается наше понимание «реальности», какой мы ее знаем. В таком смысле это не столько теория об устройстве мира, сколько теория о теориях. Как метатеория, она не отдает предпочтение одной форме конструирования реальности перед другой, но и не утверждает, что все формы описания мира эквивалентны друг другу и равнопригодны. Луна не равнозначна и не сопоставима со скалой и зеленым сыром! Однако будет ли она скалой или зеленым сыром зависит от того, в каком сообществе ведется беседа: геологов или поэтов. Поскольку метатеория не предназначена определять, которая из конструкций – лучшая, в себе и для себя, то в рамках социального конструкционизма нет критериев, позволяющих утверждать, что некоторые способы описания мира – истины, а другие – ложны. Истина и ложь пребывают внутри языка общественных конструкций, а не вне его. Иными словами, мы должны предположить, что социальный конструкционизм сам по себе является формой конструирования. Это принцип систематизации, структурирования и упорядочивания способов «создания истины» и сам по себе он не является истинным или ложным. Это не фундаментальная позиция. В этом смысле нам также следует учитывать ее прагматические последствия. Что происходит, когда мы конструируем реальность в соответствии с представлениями конструкционизма? Возрастает ли качество жизни на этой планете каким-либо образом? Если мы станем внедрять конструкционистские идеи в сферу социального действия, будет ли психология как дисциплина более адекватно откликаться на потребности мира? Давайте, исследуем такие возможности.

От модернистской к постмодернистской науке

Если мы рассмотрим перспективы конструкционизма применительно к самому ремеслу психологии и смежным наукам, что нас ожидает? Ответ на этот вопрос потребует помещения дисциплины в тот контекст, в котором она практикуется сейчас. Социальные науки, какими мы знаем их сегодня, являются побочным продуктом модернизма, как культурного феномена. Существует огромный пласт литературы, анализирующий модернистскую культуру и ее институты (Berman, 1982; Frisbee, 1984; Harvey, 1989) и в этом кратком обзоре я могу наметить только несколько основных тем.

³ Смотри, например, Bellah et al (1958); и Lasch (1979).

Центрированность индивидуального знания

В истории западной культуры, предпосылки «модернизма» обычно отслеживаются вплоть до того периода, в который был совершен прорыв от «темных веков» средневековья к Просвещению. Просвещение стало историческим водоразделом, прежде всего, благодаря достоинству, которым ученые люди и государственные деятели наделяли индивидуальный разум. Мыслителям Просвещения больше не было необходимости бездумно подчиняться тоталитарной силе королевских или религиозных декретов. Предполагалось, что внутри каждого из нас есть ограниченное и сакральное святилище разума, сфера, управляемая нашими автономными способностями ради внимательного наблюдения и рационального обдумывания. Только моя мысль как таковая, допускал в 1637 году Декарт, обеспечивает определенное основание для всего остального.

Именно конструкция индивидуального разума XVII столетия и ее более поздняя модификация XVIII столетия, послужила главным отправным пунктом для начинаний систематической психологии XIX в. Эффект был двойным: во-первых, индивидуальный разум оказался неоспоримо приоритетным объектом изучения; во-вторых, оказалось, что знание человеческого разума может быть понято как достижение его индивидуальных носителей – научных умов, ученых, исследователей. Если индивидуалистическая ментальность является источником всех человеческих поступков, то раскрыть секрет ментальных процессов – значит достичь определенной степени контроля над действиями человека. Вильгельм Дильтей (Wilhelm Dilthey, 1914) утверждал: «Внутренние связи психической жизни образуют изначальные, элементарные и фундаментальные данные (научного исследования)... внешняя организация общества, представленная в структурах семьи, общины, церкви и государства, возникает из животворных взаимосвязей внутри человеческого разума...» (с. 76). В то же время, именно индивидуальный исследователь, одаренный способностью наблюдения, размышления и рассуждения, оказывается лучше всего оснащенным для такого исследования. Эти два допущения продолжают определять характер и направленность исследований в современной психологии. Как выясняется, открывая принципы действия когнитивных схем, накопления, сохранения и извлечения информации, эмоционального реагирования и тому подобное, отдельный ученый совершенствует наши способности предсказания и контроля человеческой активности. Вооруженные научными знаниями этих фундаментальных процессов, мы можем разрабатывать процедуры для излечения психических заболеваний, улучшения образования, снижения уровня преступности, преодоления предрассудков, создания возможностей для полноценной жизни и т.д. Действительно, именно благодаря непрестанному проникновению ученых в сущность ментальных состояний индивида, мы можем прогрессивно продвигаться к идеальному обществу.

Мир как объективная данность

В модернистской традиции принято проводить различие между «внутренним миром» разума и «внешним миром» материи. Внутри этой дуалистической метафизики, значение, придаваемое индивидуальному разуму, наиболее ярко подтверждается тем, что ментальные процессы способствуют большей эффективности наших действий в мире. В этом смысле, наиболее подходящим «партнером» для работающего на полную мощь разума является объективно существующий и поддающийся рациональному толкованию мир. Именно в этом отношении, труды таких фигур Нового Времени, как Исаак Ньютон и Френсис Бэкон, приобрели кардинальное значение. Их изыскания убедительно продемонстрировали, что, если мы рассматриваем космос как материальный по своей природе, состоящий из причинно связанных объектов, доступных для наблюдения индивидуального разума, тогда может быть проделан значительный прогресс в нашей способности предсказывать и контролировать. И действительно, такое скрупулезное выявление причинно-следственных связей между элементами, составляющими мир, мы обычно и называем познанием. Воззрения XVIII века были подкреплены позднее, в XIX столетии, трудами, посвященными ментальным процессам,

например, работами Вундта и Титченера. Сегодня они находят отражение в таких широко распространенных допущениях: а) ментальные процессы доступны для объективного изучения (как наиболее сложные биологические процессы при предельном абстрагировании); б) ментальные процессы каузально связаны с процессами энергетического обмена и взаимодействия со средой, с одной стороны, и с изменениями в поведении людей, с другой стороны; в) экспериментальные методы превосходят все другие при выявлении этих причинных связей.

Язык как носитель Истины

Существует и третье модернистское убеждение, характеризующее нашу дисциплину. По сравнению с историями индивидуального познания и материально устроенного мира, модернистские мыслители придавали ему меньшее значение. Однако оно становится решающим, когда мы продвигаемся к потенциальным возможностям постмодернизма. В этом случае, особо подчеркивается роль языка, как в науке, так и в культуре, в самом широком смысле. Джон Локк так передает суть новоеропейских представлений о языке. Наши слова, согласно Джону Локку (1689), есть «знаки понятий, содержащихся в разуме». Они представляют собой внешние «метки для идей внутри индивидуального разума, посредством которых последние могут быть доведены до сведения других, и мысли, порождаемые разумом человека, могут передаваться другим индивидам» (с. 212). Таким образом, если разум индивида овладевает знанием мира, и язык представляет собой средство передачи содержания наших размышлений другим, тогда язык становится носителем истины. Таким же образом сегодня мы, как ученые, рассматриваем язык (включая языки программирования), в качестве главного средства, с помощью которого мы информируем наших коллег и нашу культуру о результатах своих наблюдений и исследований. По существу, мы используем язык, чтобы сообщить о природе мира, каким мы его видим, и эти сообщения становятся предметом опровержения или подтверждения, когда другие проверяют их данными своих наблюдений. Результатом такого систематического и коллективного наблюдения, тогда, должен стать набор слов и толкований, который составит копию или карту мира.

Нарастающие голоса постмодернизма

Как мы обнаружили, эти три модернистские темы: превозношение индивидуального разума, объективно познаваемый мир и язык, как носитель истины, - являются оплотом традиционной психологической науки. Однако критика модернистских основоположений все еще исходит от приблизительно четвертой части человеческого сообщества и ученых. Многие из последних сфокусировались на таком частном аспекте, как традиционные концепции научного знания (сравните, Kuhn, 1970; Lyotard, 1984; Rorty, 1979; Poovey, 2001). Немало и тех, кто занимается выявлением идеологических и политических примесей в модернистских основоположениях и практиках. От работ Критической Школы 1930-х годов вплоть до современной критики в рамках исследований меньшинств, феминистской проблематики, незападных культур и традиций, модернистские взгляды и ценности были неоднократно атакованы в связи с теми формами жизни, которым они положили начало. Наконец, ряд авторов и ученых риторического склада, продемонстрировали пути, на которых модернистская рациональность предстала как побочный продукт особых традиций использования языка.

Не существует фундаментальной логики как основы современных практик; основой им служит ряд заложенных в языке договоренностей и жанров. Большинство из этих работ, как я указывал ранее, интегрирована сегодня в социально-конструкционистский диалог, обрисованный выше. В этом смысле, постмодернизм, как сложный комплекс интеллектуальных и культурных течений, породил здоровый и жезнеспособный конструкционизм, но приравнивать их друг к другу не следует.

По моему мнению, это пестрое разнообразие интеллектуальных инноваций несет в себе огромный потенциал. Когда позитивные следствия постмодернистских / конструкционистских дискуссий проявятся в полной мере, у нас будут все основания для значительного продвижения

психологической профессии и увеличения ее потенциального вклада в развитие мира. Я не думаю, что такие возможности являются всего лишь праздными фантазиями. В оставшейся части настоящей статьи я обозначу наиболее важные отправные точки в психологии, те вопросы, которые наиболее актуальны сейчас. Делая это, я коснусь также наметившихся тенденций в развитии, чтобы обозначить время и место их появления в психологии.

Эмпирическая наука в контексте постмодернизма

Прежде всего, мы должны рассмотреть доминирующую традицию – эмпирические исследования, нацеленные на проверку гипотез, по обыкновению, универсального размаха. Каково же их будущее в постмодернистском контексте? Здесь существенно подчеркнуть, что, несмотря на ожесточенную критику, как концептуальных, так и идеологических оснований, не существует ничего внутри постмодернистского и конструкционистского критицизма, что имело бы летальный исход для этой традиции. Сама по себе, эта критика не покоится на каком-либо фундаментальном подходе или положении. Она объединила авторитетные голоса, но в ней нет решающего голоса. Эмпирическая психология представляет дискурсивную традицию, традицию практики и политики, которая имеет столько же прав отстаивать свое существование, как и любая другая традиция. Принципиальный момент постмодернистской/конструкционистской критики, по моему мнению, не в уничтожении традиции, а в том чтобы предоставить всем традициям право участвовать в разворачивающемся диалоге.

И еще, постмодернистская/конструкционистская критика вопрошает ученых-эмпириков о явных прагматических последствиях их усилий. На каких путях психологические изыскания послужат человечеству, и что обернется явным ущербом? Не стоит уповать на традиционный ответ: дескать, эмпирические психологи нарабатывают базисные знания о мышлении и поведении. С постмодернистской, более выигрышной позиции, знание является таковым только внутри данной традиции. Важные вопросы затрагивают ценность локальных традиций исследования культур, которые дают более разнообразную картину жизни общества. Здесь мы подходим к более прагматичным вопросам о ценности традиционных теорий, практик и добытых ими сведений. Когда психологические теории широко, с большим размахом экспортируются в культуру, как отзывается на них культурная жизнь? Когда мы придерживаемся убеждения, что первичные составляющие мышления являются когнитивными (познавательными), когда мы рассматриваем поведение как генетически заданное, когда мы проводим различие между патологией и нормой, какие двери открываются в культуре и какие закрываются? Например, не является ли недавний подъем позитивистской психологии (смотри специальный выпуск *American Psychologist*, январь 2000) более обещающим для нашей культуры, чем традиционное сосредоточение на недочетах? Становится ли культурная жизнь более интенсивной, когда мы в большей степени сосредоточиваемся на позитивных возможностях, нежели на всевозможных неудачах?

Психология к тому же собрала богатую коллекцию изощренных методов прогнозирования. Тем не менее, первейший вопрос здесь, какую пользу существующие формы прогнозирования принесли культуре за стенами лабораторий. Например, по моему мнению, разновидности прогнозирования, наиболее часто используемые в сфере психологии здоровья (с выводами по зависимым переменным жизни и смерти) могут быть достаточно ценными для многих людей в рамках данной культуры. Я менее оптимистичен в отношении прогнозов, которые касаются поведения реципиентов, искусственно изолированных от культурной среды, и которые очень часто используются при проверке абстрактных гипотез касательно ментальных функций. Вопрос не в том, истинны или ложны такие гипотезы, в конечном счете, а в том, имеют ли конкретные прогнозы хоть какую-нибудь практическую пользу за пределами локальной «игры в истину». Как я вижу это, в психологии постмодернистского эмпирицизма на смену «играм в истину» придут исследования в русле теорий, имеющих прикладное значение для конкретной культуры. Эффективному эмпирицизму подобает позиция «сведущего прагматизма», предполагающего осведомленность в вопросах культуры, этики и политики.

Это не все, что мы можем ожидать от исследований традиционного сорта. Эмпирические доказательства могут привнести нечто жизненное в абстрактную теорию, что пробудит понимание соответствующей ей своеобразной конструкции мира. Так, теории оперантного обусловливания (Theories of operant conditioning) наполняются жизнью, когда некто исследует оперантное обусловливание на примере голубей, наблюдая за ними в момент поклева пищи. Далее, исследования могут вызвать к жизни общественную дискуссию по событиям политического и морального значения. Так было, начиная с ранних исследований конформности (Asch, 1956) и повиновения / покорности (Milgram, 1974) (research on conformity and obedience), и вплоть до современных исследований влияния гендерных и этнических стереотипов на интеллектуальную деятельность и систему представлений, на примере женщин и афро-американцев (Steele, 1997). Мы говорим вовсе не о случаях открытия трансцендентной истины, а скорее о психологах, как эффективных участниках культурного процесса. В то же самое время, однако, возможности психологии в постмодернистском контексте вовсе не ограничиваются своеобразным подтачиванием и развенчанием обсуждаемой здесь модернистской традиции. Более того, я верю, что ее наиболее важные достижения заключаются в том особом вкладе, который может быть сделан нами в обсуждение насущных проблем современности. Постмодернизм призывает нас расширять наш потенциал и, по моему мнению, перспективы волнительные и многообещающие. Здесь я рассмотрю, совсем кратко, перспективы и значимые достижения в тех областях, где наблюдаются наиболее явное интеллектуальное обогащение, расцвет методологии и обилие новых практик.

Оживление интеллектуальной жизни

В модернистской традиции мы научились получать «приказы о наступлении» от самой реальности, – наблюдать «мир» таким, «каков он есть», и адекватно реагировать. В сущности, именно наблюдаемый мир выступает первоисточником наших слов и наименований. В постмодернистском / конструкционистском контексте акценты меняются, и утверждается прямо противоположное. Мир сам по себе не говорит через нас. Скорее, то, что мы найдем или откроем в этом мире, будет в основном зависеть от уже утвердившихся теоретических и метатеоретических парадигм. То, что считается значимым фактом для когнитивиста, не будет таковым для психоаналитика, бихевиориста, феноменолога. Это смещение акцентов – от изначально существующего мира к нашим интерпретациям мира – возрождает в отношении психологии наиболее уязвимую традицию, а именно, традицию интеллектуальной рефлексии. В широком смысле, это произойдет только в той мере, в какой мы сможем обогатить сферу взвешенного теоретического осмысления, насколько нам удастся, достигая очевидностей в понимании культуры, избежать банальностей и расширить исследовательскую территорию. Существует несколько сфер, требующих дальнейшего расширения и обогащения, и, по моему мнению, уже есть признаки жизни в каждой из них.

Рефлексивная осмотрительность

Психологическая наука издавна выказывала преверженность нейтральной позиции в отношении ценностей. Такая позиция базировалась на убеждении, что факты можно отделить от ценностей, и, результатом, в исследовательском поле психологии, стало всеобщее уклонение от дебатов морального и политического толка. Преобладающий здесь подход можно перефразировать так: «Занимайся политикой в личное время», «Идеологии нет места в науке». В постмодернистском интеллектуальном контексте различие между фактом и ценностью становится расплывчатым. Если некто проводит исследования с позиции ценностного нейтралитета, теория, исследовательские достижения и методы интегрируются в культурную жизнь как «авторитетные очевидности». Так, теоретические разграничения, которые мы производим (например, между быстрым и, в противоположность ему, медленным процессом переработки информации), между полученными данными, которые мы обобщаем (например, когда утверждаем, что устаревшие данные являются второстепенными в процессе их обработки), между исследовательскими методами, которые мы предпочитаем (например, теми,

где манипулирование и контроль над переменными являются ключами к «правильному пониманию»), – все это интегрируется в общество в качестве путеводных очевидностей, способных изменить культурную жизнь во благо или во вред, в соответствии с некоторыми стандартами. Игнорировать эти спорные вопросы не только близоруко, но и безответственно. Если наши очевидности предполагают предпочтение определенных разновидностей образа жизни и, возможно, уничтожение иных способов существования, тогда настоятельно необходимо, чтобы мы выработали действенную программу теоретического осмысления, включающую в себя этический, политический и концептуальный аспекты. Кому мы помогаем и кому вредим, когда устанавливаем различие между разумностью и неразумием, патологическим и нормальным, предубеждением и беспристрастностью? Какие формы культуры мы создаем, когда рассматриваем эксплуатацию (использование), измену или изнасилование как биологически заданные действия лиц мужского пола? Такого рода вопросы заслуживают самого тщательного рассмотрения нами – теми, кто обосновался в указанной дисциплине, – причем, не как некоего запоздалого действия, а как прелюдии к серьезному исследованию.

...И еще, этические и политические рефлексии должны быть сопряжены с пронизательным концептуальным анализом. Нам необходимо быть готовыми критично осмыслить наши теории и исследовать их особенности, – например, их обоснованность / когерентность, законченность и ту меру, в которой наши открытия пополняют лексикон межкультурного взаимопонимания (в противоположность распространенным и уже приевшимся допущениям). Опять таки, сегодня появляется все больше литературы такого рода (например, Smedslund, 1988; Westmeyer, 1989; Tolman et al), и наблюдается возрастание как числа, так и изощренности теоретических разработок в психологии. Аргументы Slife и Williams' (1997) о междисциплинарной специализации теоретической психологии и своевременны, и убедительны. В то же время, если критичная рассудительность может добавить жизненности нашей будущей работе, то было бы досадной неосмотрительностью, если бы мы просто поручили эту задачу отдельной группе исследователей. Диалог на этом поприще должен стать широким и интегрирующим. И он ни в коем случае не является нигилистическим по своей интенции. Острые критики не должно быть нацелено на уничтожение традиций или практик; цель, напротив, в том, чтобы помочь им эволюционировать в направлении более полной интеграции всех голосов, воззрений и составляющих единой науки – интеграции, благодаря которой будет внесен наш уникальный вклад в интеллектуальную сокровищницу мира.

Создание активных языков

Одна из наиболее значительных перспектив, открытых постмодернистским диалогом, состоит в реструктуризации теоретического потенциала. Если наши классификации и толкования мира не востребованы природой мира как он есть, тогда мы можем считать себя свободными от оков чего-то изначально предопределенного. И самое важное то, что мы приглашены занять позицию теоретической креативности. Как ученые, мы свободны от необходимости служить просто зеркалом «мира, как он есть» и поставлены перед задачей формулирования новых концепций, несущих в себе потенциал трансформации. Наша задача не в том, чтобы просто описывать то, что существует, а в создании таких понятийных систем, которые могли бы благоприятствовать открытию новых миров. Выражаясь метафорически, нам выпало предназначение не книжника, но поэта. В определенной мере, это готовность мыслить и действовать поэтично, в этом контексте может быть востребовано значение Фрейда, Скиннера и Пиаже. Благодаря своему творческому воображению и искусству истолкования они оказались способны предложить новые модели разумного объяснения мира, фактически, новые миры, которые смогла практически освоить (во благо или во вред) окружающая культура. Тем же духом проникнуты ныне инновационные концепции «изменчивого процесса» (Lifton, 1993), «потока» (Csikszentmihalyi, 1990) и «жизненной мудрости» (Baltes and Staudinger, 2000).

Более наглядная иллюстрация такого рода творческого импульса обнаруживается в недавно опубликованном труде, где предпринята попытка переопределить психологический процесс в терминах отношений. Традиционный взгляд на психологический процесс или

механизмы разума порождает картину общества, в котором индивиды функционируют как изолированные, замкнутые и конкурирующие монады (Sampson, 1993). Введя в научный оборот понимание человеческой жизни как сотрудничества/сотворчества, целый ряд новых работ предлагает нам рассматривать психологический процесс как определяемый/конституируемый взаимоотношениями. Мы уже видели, например, что, вместо того, чтобы рассматривать мышление в качестве психологического процесса, который предшествует языку, мы можем определить рациональность как практику использования языка как такового. Действительно, рациональность творится совместно, в диалоге – она диалогична (сравните, Billig, 1987). Вместо того, чтобы придерживаться установки, согласно которой решающая роль отводится индивидуальному действию, можно было бы занять позицию участника обсуждения (Potter and Wetherell, 1987). Самость, в таком случае, определяется тем, как она встроена в многообразные взаимоотношения и как конструируется ими. Испытывать эмоцию означает здесь быть соответствующим образом задействованным в некотором сценарии, определенном наличными формами культурной жизни; а обладать памятью значит принимать участие в общественной практике формирования договоренностей и предписаний (сравните, Gergen, 1994b; Shotter, 1990). И действительно, все, что мы в этой связи определяли как частное и отделенное «от других», осмысливается теперь как соотносительное, внутренне присущее социальной практике, неотделимое от нее.

Актуальная задача состоит тогда в том, чтобы двигаться от случайности к осознанному (рефлексивному) созданию значимых для культуры теорий. Мы ответим на этот вызов более эффективно, когда проявим большую восприимчивость, как в историческом плане, так и в аспекте культурных различий. История наших концепций и фундаментальных изысканий предлагает нам сокровища, которые мы по большей части проглядели, пока психология погружалась в прах прошлого во имя прогресса. И если мы посчитаем доказанным, что наши Западные реальности универсальны, мы тем самым подорвем возможность такого рода межкультурного диалога, в котором только и может быть обнаружено новое и более богатое исследовательское поле. В этом контексте, мы с удовольствием отмечаем выход таких журналов, как *Theory and Psychology*, *Journal of Theoretical and Philosophical Psychology*, *Philosophy and Psychotherapy*, *New Ideas in Psychology*, *Feminism and Psychology*, *Journal of Constructivist Psychology* и *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Налицо все важнейшие признаки продвижения к формированию продуктивной теории. Поспособствуют ли такие начинания налаживанию более эффективных контактов в широком круге сообществ, остается вопросом.

Расцвет методологии

Позвольте перейти от перспектив нашего интеллектуального «обогащения» к методам исследования в практической психологии. Это вовсе не нарушает последовательность изложения, поскольку наши теоретические основоположения самым тесным образом связаны с выбранными нами методами исследования (сравните, Danziger, 1990). Ограничение исследования наблюдением поведения в условиях лабораторного эксперимента стало бы фактом деградации для представителя глубинной психологии, а экспериментальная фокусировка только на причинах и результатах недальновидна с точки зрения феноменолога. Следует сказать, что когда мы расширяем сферу теоретической психологии, мы тем самым открываем двери для новых методов исследования. Обратное также может происходить: когда мы применяем новые методы исследований, изменяется наше понимание самой теории. Далее, различающиеся методологии несут в себе различающиеся ценности и идеологии. Порой мы получаем контроль над переменными ценностью манипуляции и секретности (скрывая от испытуемых истинные цели исследования); другие исследователи отказываются от контроля ради более чуткого и заботливого взаимодействия с теми, кого они хотят понять. Методы, в не меньшей степени, нежели теории и факты, способствуют развитию рациональных основ культуры и форм жизни.

Именно в этой сфере мы обнаруживаем, что постмодернистский диалог дал толчок беспрецедентному расцвету методологии в социальных науках самого широкого спектра. 2-е издание очень успешной *Handbook of Qualitative Research*, наряду с журналом *Qualitative Inquiry* недвусмысленно указывает на это. В том же ряду – форум «Качественные социальные исследования» (*Qualitative Sozialforschung*) (www.qualitative-research.net/fqs/fqs.htm). Такие инновации начинают медленно проникать в психологическую литературу. Постмодернистское заинтересованное отношение к лингвистическим конструкциям реальности способствовало появлению нового, инновационного спектра методов дискурсивного и конверсационного анализа (van Dijk, 1986; Van Mannen, 2000). Непрекращающиеся усилия направлены не только на прояснение дискурсивных моделей, но и на критическое изучение / анализ их межличностных и идеологических ответвлений. Журналы *Discourse and Society*, *Discourse Studies* и *Journal of Language and Social Psychology* являются индикаторами такого взрыва. Работая в тесном контакте, исследователи все более вовлекаются в изучение основных функций нарративов в самопознании (самопонимании), развитии человека и в обеспечении его личного благополучия (Sarbin, 1986). Объем таких работ привел к созданию серии книг «*The Narrative Study of Lives*» и журнала *Narrative Inquiry*.

Другие исследователи, обеспокоенные политическим бессилием большинства психологических исследований и неудовлетворенные тем, что традиционные методы уводят ученного от предмета его исследования, разработали ряд методов изучения поступка (акции). Богатство и плодотворность таких методов, которыми исследователи, как правило, работают с угнетенными сообществами, делая выводы и добиваясь результатов на локальном уровне, разносторонне исследуются в недавно опубликованных *Handbook of Action Research, Participative Inquiry and Practice* (Reason and Bradbury, 2000). Мне следует также упомянуть об интенсивном развитии аутоэтнографии – корпуса исследований, в которых ученые используют свой собственный жизненный опыт (или собственную жизнь в качестве эксперимента), чтобы обеспечить новое понимание жизнедеятельности человека (Ellis и Bochner, 1996); разноплановые исследования, в которых ученые пытаются открыть новые перспективы в изучении таких феноменов, как растление малолетних или жизнь ВИЧ-инфицированных людей (Lather and Smithies, 1997). И, наконец, упомяну об интересных исследованиях перформативной психологии, где предпринимаются попытки изучать и развивать деятельность человека через публичное представление (M. Gergen, 2001). Критики такого методологического взрыва сетуют на фрагментарность дисциплины. Однако забота о фрагментарности важна в том случае, когда некто верит, что только один голос из всех должен брать верх в отношении онтологии, эпистемологии и системы (свода) ценностей. И, напротив, в постмодернистском контексте изобилие методов приветствуется. Здесь мы открываем двери множеству традиций (из которых лишь часть разделяется нами) и последующему диалогу с неограниченным креативным потенциалом.

Обогащение практики

Наконец, я хочу коснуться вопроса о вкладе психологии в социокультурную практику. С модернистской точки зрения, проводится существенное и иерархическое различие между самим процессом познания и применением знаний на практике. С позиций постмодернизма/конструктивизма, это различие практически стирается. Теоретическое познание (освоение) мира является не его зеркальным отражением, а дискурсивной деятельностью внутри сообщества. Действительно, теория сама по себе есть форма практики. Как уже обсуждалось ранее, любой дискурс может оказаться чрезвычайно важным, поскольку он предлагает нам действовать точно определенными способами, отличными от других. В этом смысле, теория способна определять / конституировать культурную жизнь. И еще, как мы можем выйти за пределы дискурсивного мира академической профессии и более непосредственно обогащать те формы практики, которые лучше послужат обществу? Если психология неизбежно существует как основная составляющая процесса культуры, то, как мы можем поднять ее на уровень, доступный уже сейчас? И что можно тогда сказать о великом

множестве профессий, задействованных в терапии, консультировании, тестировании, организационной работе и так далее?

Хотя большинство психологических практик сохраняет упорную приверженность сложившимся договоренностям, именно в сфере практики обнаруживается наиболее осязаемое влияние постмодернистских диалогов в психологии. В терапевтическом сообществе, например, мы встречаем много новых практик, основывающихся на концепции терапии как реконструкции значений. Нарративные формы терапии – самый наглядный пример (ср. White and Epston, 1990; McLeod, 1997), они широко практикуются по всему миру. Нарративные терапии обычно подчеркивают значение повествований, посредством которых люди понимают и проживают свои жизни, и функциональное (или дисфункциональное) значение этих повествований внутри культурной среды. Краткосрочные виды терапии, постмодернистские терапии и большинство системных терапий также подчеркивают значение языка в конструировании реальности, посредством которой мы живем (Anderson, 1997; deShazer, 1994; Friedman, 1993). Тесно связано с этими тенденциями в терапии и переосмысление диагностических категорий и процедур. Непрерывная критика и деконструкция традиционных DSM-категорий (Kutchins and Kirk, 1997; Herworth, 1999) непосредственно соотносится с диалогическими процедурами, которые призваны обеспечить право высказывания (голоса) широкому кругу вовлеченных сторон. Здесь прогрессивно мыслящие терапевты отказываются от психодиагностики в пользу коллегиального взаимодействия внутри команд и коллективов, сформированных из представителей самых разных помогающих профессий, предполагающих хорошую осведомленность в вопросах семьи и сообщества. В этих командах происходит свободное и открытое обсуждение путей и способов понимания индивида в его или ее контексте, а также того, что для него/нее действительно является наилучшим. Результаты применения такого подхода более чем впечатляющие – они выразились, в частности, в заметном сокращении случаев как госпитализации, так и назначения лекарственных препаратов (сравните, Seikkula, et al., 1995).

Психологи, работающие за пределами терапии, в сфере образования, также преодолевают ограничения индивидуалистской точки зрения на процесс познания и традиционные формы педагогики, нацеленные на совершенствование индивидуального разума. Особый интерес к образованию проявляют последователи школы Выготского, которые ставят во главу угла отношения между преподавателем и учащимся (Rogoff, 1990; Holzman, 1997). Еще более радикально психологи исследуют коллегиальную педагогику (педагогику сотрудничества) – учебный процесс, в котором они пытаются заменить иерархическое обучение (обучение сверху вниз) на продуктивный диалог учащихся, консолидирующий класс (сравните, Wells, 1999). В сфере организационной психологии, мы вновь обнаруживаем интенсивное движение, направленное на социальное конструирование «организационных реальностей» (ср. Weick, 1995). Практики разработали множество новых методик, основанных на использовании нарративов и метафор для снижения уровня конфликтности в организациях и стимулирования положительных изменений. Я столь же впечатлен работой в области медицины, где ныне оспаривается исключительно биологический взгляд на природу боли, и исследуются социокультурные конструкции болезни (Frank, 1995; Morris, 1998). Здесь мы обнаруживаем, что переживание боли и болезни существенно зависит от значений, придаваемых им. Понимание их с точки зрения нарративного анализа может стать жизненно важным для нашего физического благополучия.

В заключение

Я попытался продемонстрировать здесь, трезво и тщательно просеивая аргументы, что социальные исследования могут проводиться на основе более разносторонней и эффективной психологии, чем та, к которой мы привыкли. Такая психология порождает формы исследований, богатые еще не раскрытыми концептуальными ресурсами, чувствительные к идеологии и истории, инновационные по своим методам и обуславливающие появление новых и эффективных практик. Это исследования, в которых колониальный универсализм будет

вытесняться глобальным диалогом равных. Самое главное, что это будут исследования с невиданным ранее вкладом в наши разнообразные культуры. Я пытался показать, что уже наблюдаются отважные начинания в разных областях научного познания. Однако будущее по-прежнему определяется балансом. Инерционные силы привычного порядка и «неоспоримо верного» ощущения реальностей прошлого все еще огромны. Может ли преобразующий диалог иметь место? Когда мы сейчас вместе обсуждаем это, мы тем самым создаем наше будущее.

Май 2005